

A detailed historical illustration in a woodcut style serves as the background. It depicts a harbor scene with several large sailing ships, including a prominent three-masted vessel on the right. In the background, a tall, ornate church spire rises above the city skyline. In the foreground, figures in period clothing are visible on a quay or ship deck. The overall tone is historical and evocative of the Russian Empire's maritime history.

ЕВГЕНИЙ
АНИСИМОВ

КУДА

Ж

НАМ
ПЛЫТЬ?

РОССИЯ

ПОСЛЕ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

АСТ

Евгений Викторович Анисимов

Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=248502

Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого / Евгений Анисимов. :

АСТ : Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-063427-9; 978-5-271-25993-7

Аннотация

Евгений Анисимов – известный историк, ученый с мировым именем уверен: о далеком прошлом нашей страны надо писать так, чтобы было интересно всем. История в его интерпретации – настоящий детектив с завязкой, стремительным развитием событий и неожиданной развязкой. В новой книге взгляд историка падает на эпоху дворцовых переворотов после смерти Петра I. «Он лежал в своем золоченом гробу, а претенденты на престол спешно решали коренной вопрос: «Куда ж нам плыть?»» История правлений ближайших преемников Петра – Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, их борьба за власть, страсти и драмы личной жизни – содержание этой книги.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	15
Глава 1	15
Любовь к низким потолкам	15
Династический пасьянс	19
Две «партии»	25
Меншиков кует свое счастье	30
Ночные прения сторон	35
Кому возрожденное передать?	40
В ожидании рождения внука-наследника	46
Виват наша государыня!	58
Глава 2	67
Каструм Долорис	67
Лейб-Ферд, или Праздник похорон	69
Слово на погребение	75
Глава 3	80
Показуя свою милость	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Евгений Викторович Анисимов

Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого

Предисловие

Историческое время между царствованиями Петра Великого и Екатерины II, также названной Великой, как бы проваливается в сознании людей, поверхностно знакомых с российской историей XVIII века. Да это и понятно – время Петра I напоминает ослепительную вспышку, после которой трудно рассмотреть что-либо другое. Грандиозные реформы, охватившие абсолютно все сферы русской действительности, иная, чем прежде, философия жизни и вообще все новое, непривычное: от огромного военно-морского флота и города на берегах Невы до алфавита и башмаков – эти и тысячи других явлений, черт и черточек уже современникам говорили о необычности времени, в которое они жили, о фантастическом происшествии (для многих – несчастье) со страной, о головокружительной перемене, совершившейся с ней за каких-то два с половиной десятилетия. Особую остро-

ту этим впечатлениям придавали методы, которыми внедрялось, точнее – навязывалось Петром новое. В последнем слове знаменитой пушкинской фразы: «Россию поднял на дыбы» – в принципе можно поставить два разных ударения, и оба варианта дают два выразительных образа для обозначения происшедшего со страной при Петре Великом.

После яркой реформаторской вспышки короткие послепетровские царствования, калейдоскопическая быстрота смены самодержцев и фаворитов оставляют впечатление убожества, ничтожности, бессмысленности. Почти четыре послепетровских десятилетия – от Петра I до Екатерины II – в сознании потомков как бы сжимаются до нескольких лет,

и кажется, что длившееся бесконечно долго тридцатипяти-летнее царствование царя-исполина (1689–1725) почти сразу же сменяется таким же ярким, плодотворным, одним словом – «славным» царствованием Екатерины Великой (1762–1796). Когда после некоторого времени застоя снова победно засверкало грозное русское оружие и пределы империи опять стали расширяться, заблистал русский гений, вновь пришли великолепные достижения и победы в различных сферах человеческой деятельности – идет ли речь о фельд-маршале Румянцеве или механике Кулибине, поэте Державине, адмирале Ушакове, драматурге Фонвизине или генералиссимусе Суворове.

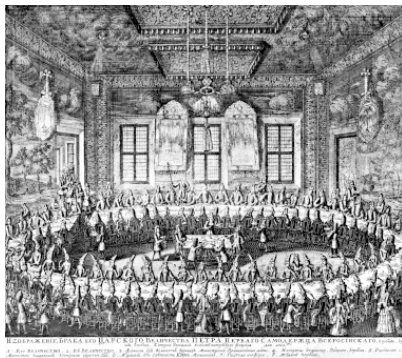
Послепетровское время называют «эпохой дворцовых переворотов». Это пусть и не совсем точное определение прижилось в литературе, искусстве, оно было усвоено общественным сознанием, и заменить его маловыразительным и в принципе неточным хронологическим определением «вторая четверть XVIII века» не удалось. У меня нет намерения вторгаться в спор о том, как называть ту или иную эпоху, я хочу, не ставя никаких историософских задач, рассказать о первых трех не особенно известных широкой читательской массе послепетровских царствованиях: Екатерины I (1725–1727), Петра II (1727–1730) и Анны Иоанновны (1730–1740).

Петр I принимает титул императора. 1721

Маленькой горкой книжек и брошюр по сравнению с Монбланом литературы о Петре Великом выглядит все, что было написано за два с половиной столетия о времени Екатерины I, Петра II и Анны. Если исключить широко известные курсы истории России, подобные «Курсу русской истории» В.О.Ключевского или «Истории России с древнейших времен» СМ.Соловьева, то можно назвать лишь несколько книг, достойных внимания читателя, желающего углубить свои знания о том времени. Это две брошюры К.И.Арсеньева «Царствование Петра II» (СПб., 1839) и «Царствование Екатерины I» (СПб., 1856), с которых, в сущности, и начинается историография первых послепетровских царствований. Достойны упоминания и книги профессора Д.А.Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» (Казань, 1880) и В.Н.Строева «Бироновщина и Кабинет министров» (М., 1909–1910).

Требуют осторожного, критического чтения основанная на легендах работа князя П.В.Долгорукова «Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны» (М., 1909), а также две книги известного польского популяризатора русской истории Казимира Валишевского – «Царство женщин» (М., 1911) и «Наследие Петра Великого» (СПб., 1906).

Свадьба императора Петра I и Екатерины (Марты Скавронской). 19 февраля 1712

Советская историография упорно демонстрировала пренебрежение к этому периоду русской истории и интерпретировала его однозначно как безвременье, как нечто переходное от одной эпохи к другой, как подготовку к Пугачевскому восстанию, очередной классовой битве – «движущей силе истории». Именно к этой мысли подводили читателя две книги, вышедшие в советское время и посвященные

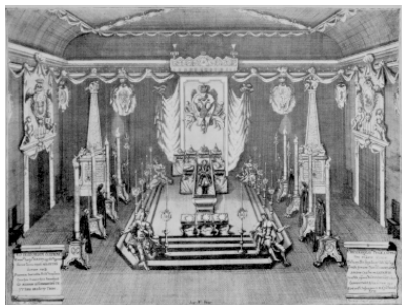
послепетровскому периоду. Их названия весьма характерны: «Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-е гг. XVIII века» (П.К.Алифиренко. М., 1958) и «Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII веке. 1725—1773 гг.» (В.В.Мавродин. Л., 1964).

Петр I на смертном одре

Когда же заходила речь о довольно запутанной политической ситуации после смерти Петра I, не назначившего наследника, то для объяснения всего и вся шла наиболее подходящая фраза В.И.Ленина о том, что, в отличие от пролетарского переворота 1917 года, в XVIII веке «дворцовые перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой», что в принципе верно, хотя ничего и не объясняет. Невнимание историков-профессионалов к эпохе дворцовых переворотов привело к тому, что знания о ней

любопытный читатель черпал главным образом из романов Валентина Пикуля «Слово и дело», «Пером и шпагой» и других. Лишенные чувства историзма, основанные на весьма вольной трактовке фактов, они несли в себе хоть какую-то информацию, и не раз после публичных лекций ко мне подходили люди с конспектами, составленными по романам Пикуля, с тем чтобы я помог им отделить плоды буйной фантазии романиста от подлинных фактов истории.

Весь февраль и десять дней марта гроб Петра находился в большой «сале» Зимнего дворца, которая была превращена в «каструм долорис, или печальную салу»

Впрочем, феноменальный успех романов Пикуля вполне заслужен и объясняется не только полной немощью советской исторической науки, не способной противопоставить темпераментному романисту правдивую книгу, но и временем, когда массовый читательский интерес к «исторической

клубничке» из жизни Анны или Елизаветы объяснялся общественной обстановкой и нравами семидесятых – начала восьмидесятых годов XX века. И Пикуль чутко уловил общественный запрос и оперативно и умело откликнулся на него. Более того, романы Пикуля о XVIII веке пользовались колоссальным успехом еще и потому, что застой и гниение оказались чем-то созвучными послепетровской эпохе с ничтожными личностями у власти, душной атмосферой придворных передних, мелочностью и страхом.

Одним словом – безвременье. Но не будем забывать, что это безвременье сожрало у многих из нас лучшие, самые плодотворные годы жизни, а многие так и умерли в убеждении, что так будет вечно – что при Анне Иоанновне, что при Брежневе.

Но утешим себя мыслью, что в Истории нет безвременья. История ровна, сильна и равнодушна, это поток, текущий из нашего прошлого в будущее, и перед ней все равны – гении и ничтожества, добрые и злые. Ведь все зависит от наших претензий, амбиций, требований и заблуждений, от точки зрения наблюдателя на берегу этого потока, пока за ним самим не приплывет Харон.

Вот и я имею пристрастие к послепетровской эпохе. И не только потому, что большая часть моей жизни прошла при нашем застое, но и потому, что все люди всегда интересны и их судьбы поучительны для нас и в каждом историческом пейзаже есть красота и неповторимость, есть своя драма, со-

переживая которой мы расширяем свой мир во времени и как бы живем несколько раз. Всегда, во все времена интересны прежде всего живые люди, их черты, их проявления, страсти, чудачества. Именно поэтому, пока будет жить человечество, будут жить книги Плутарха и Светония. Пройдут века – и люди все равно будут жадно читать мемуары Наполеона, Черчилля, Екатерины II. Так устроен человек.

В постсоветские годы ситуация начала стремительно меняться. Свобода для историков – в том числе свобода выбора сюжетов и времен. И послепетровское время не осталось в новой России без своих историографов. Среди них следует особо отметить работы И.В.Курукина – ученого, который, на широкой источниковой базе, с оптимальным привлечением опубликованных источников и научной литературы создал обобщающее исследование, без которого теперь не сможет обойтись ни один специалист по данной проблематике. Речь идет о его фундаментальной книге «Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг.» (Рязань, 2003). Это не значит, что И.В.Курукин навсегда «закрыв тему», поставил все точки над *i*. Тем и замечательна история, что ее пространство безгранично, что возможности интерпретации источников никогда не будут исчерпаны.

Человек вообще устроен как звено в непрерывной цепи, протянутой из прошлого в будущее. Если мы есть, значит, было и звено нашего предка, жившего в двадцатые-тридцатые

тые годы XVIII века, значит, уже одно это осмысляет его существование для нас, делает его время и его жизнь ценной, точнее – бесценной, ведь цепочку во времени так легко было порвать случаю, року, и тогда бы мы не появились на свет. Читая документы тех лет, видишь, как обрываются одни нити жизни и завязываются другие, как рождаются люди, без которых невозможна последующая история, а они какое-то время совсем неизвестны и об их грядущей славе никто из современников даже не догадывается и только историк знает, что там за крошечный мальчик родился в Зальцбурге у музыканта Леопольда Моцарта, или что за прелестная девочка появилась на свет в Штеттине у принцессы Иоганны-Елизаветы Ангальт-Цербской. Историк будто ощущает, как в толще времени возникают еще неясные токи будущего, и видит, как сквозь увеличительное стекло времени, то, что они, современники Екатерины I или Анны, тогда не могли разглядеть, понять, оценить, и одновременно осознает, что подобным же образом живем мы, люди конца XX – начала XXI века, и будущий историк поднесет к нашему времени свою «лупу» и будет с замиранием сердца отыскивать факты, устанавливать связи между событиями, распутывать узелки, запутанные временем и людьми. И еще важно помнить, что в каждый момент жизни всегда есть несколько возможных путей ее движения, есть несколько вариантов, из которых реализуется лишь один – тот, который потом называют единственным вариантом истории.

Обратимся к нему...

Часть первая
Императрица
Екатерина I Алексеевна
(январь 1725 года – май 1727 года)

Глава 1
После... После!

Любовь к низким потолкам

Не люблю я «памятных исторических мест» и «мемориальных квартир», хотя всегда отдаю должное их просветительскому значению и самоотверженному труду хранителей. Может быть, эта нелюбовь идет от того опошления, которое придано этим обычным понятиям в нашей стране? Кроме того, когда видишь сиротливые «тапочки Антона Павловича» или ветхий старинный столик, на котором под современным плексигласовым колпаком стоит пустая чернильница и нарочито брошены перо и пожелтевший лист исписанной бумаги, почему-то испытываешь не благоговейное почтение и умиление, а неловкость и скуку. И дело не в том, что навер-

няка знаешь: перед тобой искусная музейная подделка – ведь подлинный автограф гения хранится в архиве за семью печатями, – просто все эти предметы мертвы и немы, ибо их хозяин давным-давно умер и душу этих драгоценных для него вещей унес с собой.

Но однажды я испытал потрясение от соприкосновения с местом, где произошло историческое событие. Меня ввели в подвал Эрмитажного театра, который в это время реставрировался финской строительной компанией. И вот, переступая через кучи битого кирпича, балки, строительный мусор, мы поднялись по ступенькам в бывшую «салу» – зал на бывшем втором этаже бывшего Зимнего дома, построенного в 1719 году архитектором Г.И.Маттарнови на участке между нынешней Миллионной, Зимней канавкой и Невой. Позже это помещение стало подвалом Эрмитажного театра, выросшего на прочном фундаменте Петровского дворца.

Архитектор-реставратор подвел меня к обнаженной кирпичной стене и сказал, что именно здесь и была та самая *конторка*, в которой умер Петр Великий. Я протянул руку и ощутил холод и шероховатость прочной кладки старинных кирпичей, тех самых, что слышали его тяжелые стоны и отчаянные молитвы, – здесь его душа покинула измученное страшной болью тело...

При строительстве дворца кем-то, вероятно под диктовку Петра, была написана проектная записка: «У большой палаты (то есть той самой «салы», в которой мы стояли. – Е.А.)

перегородить стенку по самый погребной свод и в той перегородке сделать Конторку в половину окна... и наверху Конторки сделать решетку и под решеткой на стене кругленькое окошечко, а дверь в конторку сделать из маленькой палатки, также сделать проходную лестницу в погреб, откуда пристойно».

Известно, что Петр любил жить в тесных, низких помещениях, своеобразных душных логовищах, которые были ему уютны. И для этого, как гласит молва, он приказывал с помощью парусины занижать потолки и строить выгородки из обширных палат и «сал». Такое же логовище он приказал выгородить и в своем новом дворце.

Здесь-то он и умер. В памятном журнале – «Поденных записках» – об этом сказано так: «Его императорское величество Петр Великий, лежав в болезни в Зимнем своем доме, в верхнем апартаменте, 28 января 1725 года преставился от сего мира в своей конторке», а 29 января был «вынесен в салу». Из «салы» он и отправился в последний путь, правда, не совсем обычным способом. Архиепископ Феофан Прокопович писал, что в день похорон для «вынесения широкого гроба, который не мог быть вынесен из обыкновенных дверей, приделано к среднему в зале окну по лицевой стороне к Неве большое крыльцо и лестницы», по которым и спустили на берег Невы гроб.

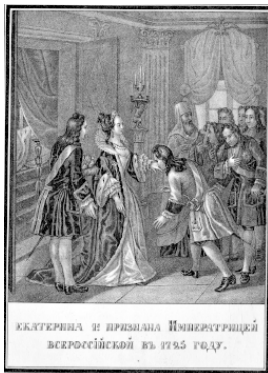
Смерть Петра Великого наступила в ночь с 28 на 29 января, точнее – в 5 часов 15 минут 29 января 1725 года. На

престол вступила его жена – императрица Екатерина I Алексеевна.

Только на первый взгляд может показаться, что восшествие жены императора на престол – факт обычный, естественный. Это не так. Мы знаем, что за всю российскую историю только еще однажды императрица сменила на престоле своего мужа. Это была тезка нашей героини, Екатерина Алексеевна, которой, чтобы стать императрицей Екатериной II, пришлось свергнуть своего царственного супруга и с помощью вооруженной силы узурпировать власть.

Екатерина I

ЕКАТЕРИНА И ПРИЗНАНА ИМПЕРАТРИЦЕЙ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЪ 1725 ГОДУ.

Вступление Екатерины I на престол

Ее тезка-предшественница – Екатерина I никого не свергала, но и ее вступление на престол было не чем иным, как дворцовым переворотом: в комнатах, примыкавших к «сале» Зимнего дома, развернулась напряженная борьба за власть. Эта борьба была весьма скоротечна и не вырвалась за стены дворца, не переросла в вооруженное противостояние сторон. Тем не менее не случайно начало так называемой «эпохи дворцовых переворотов» в исторической науке датируется именно февралем 1725 года. Что же произошло в те дни и ночи в Зимнем доме?

Династический пасьянс

Исходной и формальной точкой «замешания» и тотчас

возникшего противостояния тогдашних политических сил стало отсутствие письменного завещания Петра Великого. Перед смертью не дал он и устного распоряжения о наследнике престола, которое могли бы под присягой подтвердить слышавшие его высшие чины государства или доверенные люди. То, что Петр умер без завещания, уже само по себе создало в стране кризисную ситуацию. Ведь кроме вдовы императора было еще несколько потенциальных преемников престола – детей и внуков от двух браков первого императора.

Как известно, в 1689 году Петр женился на Евдокии Федоровне Лопухиной, которая родила царю трех сыновей: в 1690 году – Алексея и в 1691-м – Александра и Павла, которые вскоре умерли. В 1698 году царь разошелся с царицей Евдокией и отправил ее в монастырь. Старший же сын от этого брака, царевич Алексей Петрович, наследник престола, в 1711 году по воле отца женился на Шарлотте Софии, кронпринцессе Вольфенбюттельской, – свояченице австрийского императора Карла VI. В 1714 году жена Алексея родила дочь Наталью, а в 1715-м – сына Петра. Вскоре эти дети осиротели: Шарлотта София скончалась спустя некоторое время после рождения сына, царевич же Алексей, вступивший в острый конфликт с отцом, бежал за границу, потом был возвращен в Россию, судим неправедным судом и, приговоренный к смертной казни, умер летом 1718 года в тюрьме при невыясненных обстоятельствах – есть серьезные основания думать, что на тот свет по приказу Петра его отправили тай-

ные палачи – не выводить же на эшафот, прилюдно, царевича, чтобы пролить священную царскую кровь? Прямые правопреемники царевича, его дети: девятилетний Петр и десятилетняя Наталья, – в начале 1725 года были живы и здоровы.

От второго брака Петра с Мартой Скавронской – в православии Екатериной Алексеевной – родилось одиннадцать детей, большинство из которых умерли в младенчестве. В живых к январю 1725 года осталось три дочери: шестнадцатилетняя Анна, пятнадцатилетняя Елизавета и восьмилетняя Наталья.

Таким образом, претендовать на российский престол могли сразу шестеро ближайших родственников Петра Великого: его вдова, три дочери и двое внуков.

Россия до Петра Великого не знала никакого специального закона о наследовании царского престола, но действовало обычное право, существовала традиция, которая, как известно, бывает посильнее иного писаного на бумаге и напечатанного в типографии закона. Согласно ей престол переходил по прямой нисходящей мужской линии – от отца к сыну и от сына к внуку. Нельзя сказать, что традиция эта никогда не нарушалась. Поначалу в династии Романовых все шло как положено: Алексей Михайлович наследовал престол от своего отца – царя Михаила Федоровича, от царя Алексея Михайловича в 1676 году престол обрел его старший сын Федор Алексеевич. А вот после смерти Федора в 1682 году тради-

ция была нарушена – царем был провозглашен не старший из следующих сыновей царя Алексея Михайловича – шестнадцатилетний Иван, а младший (да еще от второго брака) – десятилетний Петр. Правда, точно следовать традиции все равно было бы невозможно, ибо прямая (нисходящая) линия прервалась после смерти бездетного Федора. К тому же выбор оправдывался тем, что старший из братьев Иван был явно недееспособен, слыл полуидиотом. Но история России знала прежде еще одно серьезное нарушение традиции: в XV веке великий князь Московский Иван III назначил своим наследником не строптивного сына Василия, а послушного внука Дмитрия. И хотя позже великий князь передумал и все-таки передал престол Василию III – будущему отцу Ивана Грозного, тем не менее прецедент изменения традиции был. Именно на него и обратил внимание Петр, издавший в 1722 году уникальный в русской истории закон – «Устав о наследии престола», сыгравший свою роковую роль в череде дворцовых переворотов XVIII века. Ссылаясь на прецедент с Иваном и Дмитрием, Петр вводит в «Устав» юридическое положение, которое узаконило неограниченное право российского императора назначать наследника из числа своих подданных, а при необходимости изменять свой выбор: «Ежели Его величество всей своей высокой воли и по нем правительствующие государи российского престола *кого похотят учинить наследником, то в их Величества воли. А* ежели же и определена го в наследники, видя какие непо-

требства, *наки отменить изволят, и то в их же Величества воли да будет...*». (Здесь и далее курсив в цитатах мой, – Е.А.) Поэтому можно сказать, что «Устав» стал крайним выражением безграничной власти российского самодержкца. Но Петр издал «Устав» не из прихоти или каприза – этому предшествовала подлинная драма в семье царя.

После того как в 1718 году погиб в Трубецком бастионе Петропавловской крепости царевич Алексей Петрович, официальным наследником престола был провозглашен «наследственный благороднейший государь-царевич» Петр Петрович – сын Петра Великого и Екатерины, родившийся в октябре 1715 года, почти одновременно с сыном царевича Алексея – Петром Алексеевичем. Однако в апреле 1719 года наследник внезапно умирает, не прожив и четырех лет. Таким образом, единственным (кроме самого Петра I) мужчиной в роду Романовых остается великий князь Петр Алексеевич, внук Петра I, который согласно традиции и общественному мнению должен стать естественным наследником престола Петра Великого.

Однако первый российский император этого допустить не мог – он опасался, что приход к власти внука Петра II Алексеевича может нанести удар по тому делу, которому царь-реформатор посвятил всю свою жизнь, то есть по преобразованиям, врагами которых числился и сам покойный царевич Алексей, и все его окружение из ненавистного царю рода Лопухиных, родственников царицы Евдокии Федоровны,

и других родовитых фамилий. Именно поэтому Петр и решается издать «Устав о наследии престола», который в корне ломал традиционный принцип преемственности и, стало быть, позволял лишить великого князя Петра Алексеевича его казалось бы законного права на престол. Вскоре Петр предпринял действия, которые были поняты многими наблюдателями как свидетельство его намерений завещать престол своей жене, – в мае 1724 года в Москве, в кремлевском Успенском соборе, он собственноручно возложил на голову Екатерины Алексеевны императорскую корону.

Формально обоснованием этого торжественного и невиданного на Руси акта в обнародованном еще в ноябре 1723 года манифесте о короновании Екатерины выдвигалась традиция христианских государств и особенно Византии, где императрицы – супруги и вдовы императоров – не раз становились правителями. Кроме того, в манифесте подчеркивались особая роль Екатерины «как великой помощницы» в тяжких государственных трудах царя, ее мужество в сложные моменты царствования. Петр объявлял о коронации своей супруги «данной нам от Бога самовластиею», что напрямую перекликалось с главной идеей «Устава о наследии престола».

Неожиданно осенью 1724 года так хорошо продуманная затея с престолонаследием стала проваливаться. Тогда началось следственное дело камергера Екатерины Виллима Монса, уличенного в близости с императрицей, и Петр, жестоко

расправившись с фаворитом своей жены, никаких дальнейших шагов для упрочения права Екатерины на престол (публичное провозглашение наследницей и прочее) не предпринял.

Болезнь, которой он страдал много лет, была изнурительна, но не казалась ему смертельной. У Петра было затрудненное мочеиспускание, которое, согласно заключению современных специалистов, явилось следствием аденомы предстательной железы и стриктуры (сужения) уретры, как результат воспалительного процесса в мочеиспускательном канале – последствия венерического заболевания (гонореи). Привыкнув к болям и чувству периодически облегчение после мучительных операций с зондом, с помощью которого выпускали переполнявшую мочевой пузырь урину, Петр, возможно, не думал, насколько близко он подошел к смертельной грани – в организме уже начался необратимый процесс отравления. Можно лишь предположить, что, понимая в целом серьезность положения, Петр был полон внутренних колебаний и сомнений, и эти нравственные терзания, в сочетании с физической болью, сделали его последние дни на земле необычайно мучительными...

Две «партии»

Так случилось, что долгие часы агонии царя стали решающими для судьбы трона. Как написали бы в старинном ро-

мане, «скипетр выпал из холодеющей длани нашего ироя, и к нему потянулись две жадные руки». Собственно, так и было: пестрая толпа придворных и генералов, собравшихся в зале дворца, делилась на две основные «партии» – сторонников Петра Алексеевича-младшего и сторонников супруги императора Екатерины. Раскол этот был неизбежен. Известно, что в течение всего царствования Петра ему противостояла почти всегда скрытая политическая оппозиция. Если в начале его правления, во время неудачного мятежа стрельцов, она в буквальном смысле потеряла много голов и долгое время себя не проявляла, то к середине 1710-х годов оппозиция воспрянула духом, глядя на своего потенциального вождя – единственного наследника престола царевича Алексея.

Как показали материалы дела царевича Алексея, начатого в 1718 году в специально созданной для этой цели Тайной канцелярии, в России был довольно широкий круг лиц из тогдашних верхов, напрямую связанных с царевичем или ему сочувствовавших. По этому делу помимо людей из ближайшего окружения царевича Алексея проходили генерал князь Василий Владимирович Долгорукий, сенаторы Михаил Михайлович Самарин и князь Дмитрий Михайлович Голицын, сибирский царевич (хан) Василий, граф Петр Матвеевич Апраксин. Алексей на допросах под пытками выдал еще многих других сановников, которые открыто симпатизировали ему. Их оказалось столько, что Петр не решился

раздвигать рамки следствия, надеясь, по-видимому, жестокими казнями «ближних людей» царевича заставить многих из верхушки надолго прикусить языки, как это было в начале правления Петра после кровавых казней стрельцов и общников царевны Софьи.

Для решения судьбы сына Петр создал Вышний суд – судебную коллегия, состоявшую из высших гражданских и военных чинов, а также членов Священного Синода. Тем самым он желал выказать в данном случае лицемерную беспристрастность, чтобы неизбежным суровым приговором не шокировать европейское общественное мнение и своих подданных. Смертный приговор царскому сыну подписали 127 человек, начиная со светлейшего князя А.Д.Меншикова и кончая подпоручиками гвардии. Санкционировав таким образом казнь царевича, правящая верхушка России оказалась связанной круговой порукой, коллективной ответственностью не только перед своим монархом, но и перед историей и потомством. Этого-то Петр и добивался. Но все же корни оппозиции уничтожены не были, и в ночь смерти Петра они дали побег.

Великий князь Петр Алексеевич, сын казненного царевича, стал знаменем группировки родовитой знати. В нее вошли старинные фамилии Долгоруких и Голицыных, представители которых стояли на высших ступенях власти. Во главе «партии» великого князя Петра были незадолго перед этим помилованный Петром князь В.В.Долгорукий и

сенатор князь Д.М.Голицын. Сторонниками великого князя проявили себя также президент Военной коллегии князь А.И.Репнин, граф П.М.Апраксин, единокровный брат покойного императора граф И.А.Мусин-Пушкин.

Приближавшаяся смерть императора сама по себе усиливала позиции сторонников его внука. И они не преминули этим воспользоваться. Граф Г.Ф. фон Бассевич, советник голштинского герцога Карла Фридриха, – свидетель и участник событий писал в мемуарах, что, пока императрица обливалась слезами у постели умирающего, «в тайне составлялся заговор, имевший целью заключение ее вместе с дочерьми в монастырь, возведение на престол великого князя Петра Алексеевича и восстановление старых порядков, отмененных императором и все еще дорогих не только простому народу, но и большей части вельмож».

Возможно, в данном случае Бассевич (во имя весомости одержанной «партией» Екатерины победы) сильно преувеличивал намерения «бояр» вернуться к старым, допетровским порядкам, но желание многих знатных персон возвести на престол внука Петра I, великого князя Петра Алексеевича-младшего, было очевидно и, конечно, имело отчетливо знаковый характер как предвестие смены политического курса. Именно об этом говорили в своем кругу «бояре» и все недовольные тем, что в случае воцарения Екатерины фактическая власть окажется в руках могущественного царского фаворита светлейшего князя А.Д.Меншикова. По-

мимо прямого возведения великого князя на престол в их кругах обсуждался и всплывший впоследствии компромиссный, промежуточный вариант решения проблемы наследования, при котором императором провозглашался малолетний Петр Алексеевич, а регентом при нем становилась Екатерина Алексеевна.

Сообщения об усилиях «партии» великого князя накануне смерти Петра Великого известны и из других источников. Так, австрийский дипломат, секретарь посольства Гогенгольц, хлопотавший за великого князя – племянника австрийского императора, – сообщал своему правительству, что, по словам шведского посланника Г.Цедеркрейца, еще в среду утром, то есть за сутки до смерти Петра, «все было улажено в пользу великого князя», но в последнюю ночь произошла перемена в пользу Екатерины. Это сообщение, ставшее известным уже после восшествия на престол Екатерины, в целом не противоречило действительности. Каким-то образом о подготовке «партии» великого князя к надвигавшемуся часу икс стало известно генерал-прокурору П.И.Ягужинскому, который, сам опасаясь за свое положение, нашел возможность сообщить об этом Екатерине и Меншикову.

Как раз светлейший князь А.Д.Меншиков был истинным главой «партии» Екатерины. Александр Данилович лучше, чем многие другие, понимал, что воцарение Петра II будет означать для него конец карьеры, благополучия и, возможно, свободы и самой жизни. Меншиков и Екатерина – оба вы-

ходцы из низов, совершившие головокружительное восхождение к вершинам власти, не были защищены от многочисленных недругов и завистников (если это вообще возможно в России) ни происхождением, ни разветвленными родовыми связями. Не пользовались они – вчерашние «пирожник» и прачка – «портомоя» симпатией большинства дворян. Только взаимная поддержка, только точный политический расчет и энергия могли спасти их в этот решающий час.

Меншиков кует свое счастье

Почувствовав опасность, Меншиков развил бешеную деятельность, он сделал все возможное, чтобы изменить ситуацию в свою пользу, используя для этого всю свою огромную власть и влияние в армии с одной целью – возвести Екатерину на престол и, соответственно, утвердить свое положение. Еще накануне смерти императора он позаботился о том, чтобы государственная казна была отправлена в Петропавловскую крепость под охрану ее надежного коменданта, по приказу Меншикова гвардия была готова по первому же сигналу светлейшего выйти из казарм и окружить императорский дворец. В расходной книге Санкт-Петербургского комиссарства Соляного правления за 1725 год сохранилась весьма примечательная запись о том, что 27 января, то есть еще при жизни Петра, по указу Екатерины Сенат отдал распоряжение Камер-коллегии выдать Преображенскому и Се-

меновскому полкам жалование за две трети прошедшего года, — обычно же, как известно, выдача жалования задерживалась. По сообщению французского посланника Ж.Ж. Кампредона, Меншиков тогда же встречался со многими сановниками и, не жалея ни обещаний, ни угроз, убеждал их поддержать Екатерину. Весьма активно вели себя и его ближние люди. Секретарь и особо доверенное лицо Меншикова А.В. Волков позже писал своему патрону, как-то позабывшему его услуги в дни переворота 1725 года: «Но какое мое старание советом и делом было, о том как Вашей светлости, так и прочим многим известно». Сам Меншиков в челобитной Екатерине 27 октября 1725 года, выпрашивая чин генералиссимуса, нахально намекал на то, за что он достоин повышения: «За верные мои Его императорскому величеству... также и по кончине Его величества, особливо Вашему императорскому величеству службы и верность, о которых Ваше величество сами известны».

Кроме Меншикова естественными союзниками Екатерины были те, кто благодаря своей судьбе (скажем точнее — удаче) оказались в сходном с ними положении. Вчерашний подьячий, зять приказного дьяка, Алексей Васильевич Макаров приобрел в государственном аппарате огромную власть. Он стал подлинным «серым кардиналом» в высшей системе управления. Без одобрения руководителя Кабинета Его императорского величества Макарова на стол Петра не ложилась ни одна сколько-нибудь важная бумага или челобитная.

Эту власть Макаров мог сохранить только в том случае, если престол остался бы за Екатериной. Знавший досконально всю систему управления, он был необходим будущей императрице, беспомощной в государственных делах. Не менее надежными сторонниками Екатерины и Меншикова оказались многие сановники Петра Великого. Особенно выделялся среди них граф П.А.Толстой – опытный царедворец, умелый нажиматель тайных педалей в системе власти. Толстого, начальника Тайной канцелярии, который вел дело царевича Алексея, в случае прихода к власти его сына ждала самая скверная судьба: фигура Петра Андреевича была слишком одиозна, в нем видели палача несчастного царевича. Датский посланник Г.Г.Вестфален вообще считал именно Толстого главным действующим лицом заговора в пользу Екатерины.

Не без потерь оказались бы при ином варианте развития событий и два высших иерарха церкви – архиепископы Новгородский и Псковский Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. Эти выходцы киево-могилянской учености сделали все, чтобы по воле Петра превратить Русскую православную церковь в послушное орудие петровского государства. В церковной среде их, особо приближенных к государю, люто ненавидели, особенно Феодосия – человека грубого, властного. Множество врагов и недоброжелателей ждало момента, когда можно будет рассчитаться с этими низвергателями патриаршества, создателями Святейшего Синода, Духовного

регламента, других актов, резко изменивших судьбу церкви.

На стороне Екатерины были Карл Фридрих, герцог Голштинский, и его министр Бассевич, без совета которого молодой жених старшей дочери Петра, цесаревны Анны Петровны, не делал ни единого шага. Интересы голштинцев были до предела просты: приход Петра II к власти развеял бы надежды герцога стать зятем российской императрицы, мирволившей ему, и с помощью России (и за ее счет) решить свои внешнеполитические планы – вернуть отобранные когда-то Данией владения герцогства.

Позиция генерал-прокурора Сената П.И. Ягужинского в этой ситуации не совсем ясна. В принципе, он был на стороне Екатерины, но при этом много лет враждовал с Меншиковым. Но в критический момент, как уже было сказано, он через упомянутого выше Бассевича предупредил Меншикова о готовящемся заговоре «бояр», но сам, как и его тесть канцлер Г.И. Головкин, до самой кончины Петра открыто на стороне Екатерины не выступил. Как и многие другие, оба, тесть и зять, осторожничали, выжидали исхода борьбы за власть, чтобы в конце уже наверняка примкнуть к победителям. Не случайно также, что источники не сохранили сведений о позиции в эти дни таких видных деятелей петровского царствования, как граф Я.В. Брюс, барон А.И. Остерман и других. Все они также выжидали.

Однако Меншиков ждать и медлить не мог. Еще не закончилась агония Петра, а светлейший уже собрал в апартамен-

тах царицы секретное совещание ее сторонников. На нем, кроме кабинет-секретаря Макарова и Бассевича – нашего информатора об этом совещании, – присутствовали старшие офицеры обоих гвардейских полков, в том числе майоры гвардии А.И.Ушаков и Г.Д.Юсупов, а также командир Семеновского полка И.И.Бутурлин (шефом преображенцев был сам Меншиков). Все они пришли во дворец проститься с умирающим императором. Участвовал в совещании и глава Синода архиепископ Феодосий. Другой церковный вождь Феофан Прокопович оставался в конторке Петра, но, как показали дальнейшие события, душой был с товарищами, сидевшими в екатерининской половине.

Как только все собрались, к ним вышла Екатерина, на время покинув умирающего царя. Ее речь, в передаче Бассевича, была весьма лапидарна и решительна. Она сказала, что имеет законное право на престол уже только потому, что была коронована императором в 1724 году, что, если к власти придет ребенок, страну могут ожидать серьезные испытания и несчастья, и – это чрезвычайно важно – она обещала, что «не только не подумает лишить великого князя короны, но сохранит ее для него как священный залог, который и возвратит ему, когда небу угодно будет соединить ее, государыню, с обожаемым супругом, ныне отходящим в вечность».

Близко к версии Бассевича передает содержание речи Екатерины и голландский дипломат В. де Вильде, а весьма осведомленный французский посланник Кампредон вообще

рассказывает в своем донесении об этом совещании как о встрече Екатерины с гвардейцами, которым она напомнила, «как много делала всегда для них, как заботилась о них в походах, и выразила надежду, что они не покинут ее в несчастье». В ответ они поклялись ей в верности и в свойственной тогдашним джентльменам и верноподданным манере заверили, что «скорее дадут себя изрубить в куски у ног Ее императорского величества, чем позволят возвести на престол кого-либо иного».

Заговорщики тут же обсудили и программу действий. Наиболее радикальные, жесткие предложения об аресте противников были отвергнуты как могущие привести к обострению обстановки в столице. Было согласно решено, что каждый участник совещания займется вербовкой тех, «которые были ему наиболее преданы или находились в его зависимости». После того как все разошлись, в комнате остались лишь сама Екатерина, Меншиков, Макаров и Бассевич, которые «с час совещались о том, что осталось еще сделать, чтобы уничтожить все замыслы против Ее величества».

Ночные прения сторон

Час испытаний пробил: в 5 часов 15 минут утра 28 января 1725 года продолжительная агония закончилась – Петр был мертв. Ранее этого момента ни одна из сторон открыто действовать не решалась. Бассевич не без оснований пи-

сал: «Ждали только минуты, когда монарх испустит дух, чтобы приступить к делу. До тех пор, пока оставался в нем еще признак жизни, никто не осмеливался начать что-либо: так сильны были уважение и страх, внушенные героем». Очень точные слова – магия власти повелителя России, правившего страной более тридцати лет, была необычайно сильна до последней его минуты.

Тотчас же после смерти Петра в одном из залов дворца начался последний и решительный акт политической драмы. Здесь уже собралось «государство» – вся правящая верхушка: Сенат, Синод, высшие правительственные чиновники и генералитет. Быстрота, с которой вельможи оказались в нужный час во дворце, объяснялась не только тем, что многие из них постоянно здесь находились и даже ночевали, ожидая известий из конторки, но и тем, что во дворце дежурили адъютанты и секретари сановников, которые тотчас известили своих начальников о кончине Петра.

Поразительно и другое: уже в 6 часов утра 29 января Кампредон отправил на родину депешу, в которой сообщал, что около пяти часов «после припадка жесточайших судорог» скончался император и Сенат, «находящийся в настоящую минуту в полном составе во дворце, разделился на две партии: одна, горячо поддерживающая интересы царицы, хочет провозгласить ее правительницей в качестве императрицы, никого не назначая ей заранее в наследники; другие настаивают на провозглашении императором великого князя, вну-

ка царя, под совместным регентством царицы и Сената». Известно также, сообщал он, что некоторым полкам дан приказ войти в город.

Французский посланник писал свою депешу и не мог видеть, что уже в этот момент чаша весов склоняется на сторону «партии» Екатерины: присутствовавшие в зале были немало озадачены, услышав, а потом и увидев в окна дворца, как гвардейские полки окружают дворец покойного монарха. Попытки президента Военной коллегии князя АИ.Репнина выяснить, кто без него приказал вывести гвардию из казарм, были прерваны командиром Семеновского полка И.И.Бутурлиным, резко ответившим Репнину, что это – указ императрицы Екатерины, которой он как подданный и подчинился. Не приходится сомневаться, что эта увертюра, разыгранная гвардейскими барабанами по нотам, автором которых был Меншиков со своей компанией, произвела сильное впечатление на колеблющихся, как и присутствие в зале наряду с сенаторами и генералами гвардейских офицеров, выполнявших роль восторженного хора сторонников Екатерины. Если к этому прибавить ставшие известными позже факты: удвоение караулов, патрулирование улиц гвардейцами и солдатами, задержка почты, запрещение выезда из города, – то станет очевидно – перед нами типичный дворцовый переворот.

Когда почтенное общество собралось, к нему вышла Екатерина, которая, преодолев рыдания, сказала все, что нужно

было сказать в данной ситуации: о том, что она будет, как и покойный супруг, который в 1724 году «разделил» с ней трон, заботиться о благе монархии, что она сделает все возможное, чтобы подготовить стране достойного наследника в лице великого князя.

Первым взял слово Меншиков и заметил, что дело весьма серьезное и его нужно обсудить без императрицы. Это был довольно рискованный шаг, позволявший ошарашенным появлением гвардейцев оппозиционерам прийти в себя и перехватить инициативу. Но шаг этот был необходим для беспристрастного по форме обсуждения, «дабы, – как сказал светлейший, – все, что будет сделано, осталось безукоризненным в глазах нации и потомства». Чтобы не выставить Екатерину за дверь, все перешли в другую «салу», и там Меншиков открыл собрание вопросом к Макарову: не оставил ли Петр какое-либо письменное распоряжение о наследнике?

Макаров отвечал, что завещание было, но незадолго до своего последнего путешествия в Москву весной 1724 года государь его уничтожил, а новое не написал, хотя несколько раз говорил ему, Макарову, о своем намерении таковое составить. Макаров объяснял отсутствие завещания тем, что Петр опасался, как бы его последняя воля не подверглась оскорблению со стороны неблагодарных подданных. «И если, закончил Макаров, якобы передавая слова Петра, этот народ чувствует, чем обязан ему за его труды, то будет сообразовываться с его намерениями, выраженными с такою

торжественностью, какой нельзя было бы придать письменному акту».

Читатель, помня совещание Екатерины, Меншикова, Макарова и Бассевича, понимает, что и вопрос, и ответ были заготовлены заранее; Макаров, выступая в роли беспристрастного передатчика воли Петра, наводил слушателей на следующую мысль: Петр, хотя не написал нового завещания, намерения его, «выраженные с такою торжественностью» (намек на торжественную коронацию Екатерины), для всех должны быть очевидны: они не требуют какого-то особого письменного подтверждения, ибо Петр рассчитывал на верноподданные чувства «народа».

Сказанное Макаровым звучит не слишком убедительно и логично, но все же крупницы правдивой информации в его словах, скорее всего, есть. Они позволяют немного пофантазировать, отталкиваясь от известного. Из ответа Макарова отчетливо следует, что до весны 1724 года, когда Петр отправился на коронацию Екатерины в Москву, завещание существовало, и, если Петр уничтожил его перед коронацией, следовательно, в нем в качестве наследника престола был упомянут *другой* человек, не Екатерина. Кто был этот другой преемник, нам теперь не узнать, и без машины времени тут явно не обойтись...

Кому возрожденное передать?

Вернемся на шесть лет назад – в 1719 год, когда проблема наследника, давно мучившая Петра (ведь он считал, что старший, «непотребный», сын Алексей недостойн престола), окончательно зашла в тупик – умер, как уже было сказано, любимый, долгожданный сын Петра и Екатерины, официальный наследник престола Петр Петрович (семейное ласковое прозвище «Шишечка», «Потрошеноч») и, следовательно, все взоры обратились на его ровесника, сына покойного царевича Алексея, великого князя Петра, которому еще не исполнилось четырех лет. Иностранные дипломаты сообщают, что великий князь Петр Алексеевич и сестра его великая княжна Наталья были перевезены в Зимний дворец, им выделили апартаменты и приставили большой штат прислуги. Французский дипломат Лави 25 июля 1719 года извещал свое правительство, что это сделано из опасения, как бы недовольные режимом не похитили мальчика в отсутствие государя в стране и не провозгласили его царем.

Новая волна слухов вокруг болезненного для царя вопроса о престолонаследии поднялась в 1721 году. Толчок ей дал приезд в Петербург австрийского дипломата графа С.В.Кинского, который от имени императора Карла VI начал хлопотать о правах великого князя – племянника австрийского императора – на русский престол. Кинский якобы сказал ца-

рю, что эту проблему все равно придется решать, и непременно в пользу великого князя – единственного законного наследника, так же думают многие в России, и «эту мысль не искоренят в них никакие распоряжения царя».

Затем Кинский уверял, что выходом из тупика может стать лишь примирение интересов первой и второй семьи Петра посредством... брака великого князя с одной из цесаревен. Отец невесты как глава церкви может, полагал дипломат, разрешить этот брак, вполне допустимый по тогдашним европейским династическим нравам. Возьмем на заметку это немыслимое с точки зрения церкви предложение о браке тетки и племянника – оно еще всплывет позже.

О том же династическом сюжете, волновавшем Петра, Ж.Ж.Кампредону говорил П.П.Шафиров: «Император (австрийский. – *Е.А.*), некоторые другие державы и даже кое-кто из наших хлопочут о назначении наследником внука царя, чего сам царь, сколько я могу судить, не желает. Отец этого принца покушался на жизнь и престол Его царского величества, большая часть нынешних министров и вельмож участвовала в приговоре (в смысле – подписали приговор по делу царевича Алексея в 1718 году. – *Е.А.*). К тому же весьма естественно отдавать преимущество собственным детям, и, между нами (говоря), мне кажется, что царь предназначает престол своей старшей дочери».

Это было первое упоминание цесаревны Анны Петровны как наиболее реальной преемницы Петра на престоле. По-

том ее кандидатура довольно часто будет встречаться в до-
несениях иностранных дипломатов. (Отметим попутно, что
издание в 1722 году «Устава о наследии престола» вовсе не
противоречило варианту с назначением наследницей жены
или старшей дочери.) О том, что «молодой великий князь бу-
дет обойден в пользу старшей дочери царя», цесаревны Ан-
ны, писал своему королю 1 января 1723 года прусский по-
сланник А. фон Мардефельд.

В начале 1724 года Кампредон сообщал секретарю по ино-
странным делам Франции де Морвилю: «Нетрудно заметить,
что из всех дел наиболее озабочивает его (Петра. – Е.А.) во-
прос о том, кого назначить в преемники себе: старшую ли
дочь свою, *как вообще все думали до сих пор*, или внука, ве-
ликого князя, под опекой и правлением царицы». Далее Кам-
предон пишет, что Петр прекрасно понимает угрозу, исходя-
щую от «партии бояр, если бы он решился посадить на пре-
стол свою дочь», и что он думает, как устранить эту угрозу.
По мнению Кампредона, да и многих других, все решится во
время коронации Екатерины в Москве, когда будет публич-
но объявлена судьба престола. Впрочем, опытный дипломат
на сей счет особых иллюзий не питал. Он писал, что «мно-
гие думают, что он (Петр. – Е.А.) только в завещании сде-
лает распоряжение о престолонаследии и даже запретит ко-
му бы то ни было сообщать его до своей смерти, дабы оста-
вить в неизвестности как подданных, так и имеющие причи-
ны интересоваться этим вопросом державы и тем помешать

интригам последних и преждевременным тайным заговорам первых в пользу или против того, кто будет впоследствии их повелителем. Но здесь, как и во многих других странах, люди, наиболее говорящие, часто оказываются наименее знающими дело, так что узнать что-либо достоверно можно только из (самых) событий».

7 мая 1724 года Екатерина была пышно коронована Петром в Успенском соборе Московского Кремля. Кампредон отметил тот примечательный факт, что над царицей «свершен был, против обыкновения, обряд помазания, так что она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга». Подданные принесли присягу в верности императрице.

Почему все-таки Петр, который, по мнению наблюдателей, хотел передать престол дочери Анне, этого, тем не менее, не сделал? И вот здесь возникает любопытный сюжет: Екатерина и Анна – мать и дочь, которые силою обстоятельств обе стали претендентками на российский престол и тем самым – соперницами. Об этом соперничестве, точнее, о стремлении Екатерины оттеснить от престола старшую дочь пишут многие иностранные послы. Накануне коронации прусский посланник Мардефельд сообщил в Берлин, что сама Анна, которую император «сделал бы после своей смерти наследницей короны, *если бы это только зависело от его воли*» (это перекликается с наблюдением Кампредона об угрозе, исходящей от «бояр», в случае объявления наследницей

Анны Петровны. — Е.А.), не очень хочет быть наследницей, ибо, во-первых, сочувствует великому князю, а во-вторых, гнушается престолонаследием, в особенности с тех пор, как заметила, что все мысли ее матери направлены на это дело и что она видит в ней соперницу... При этих обстоятельствах, да еще по той причине, что сама мать поддерживает отвращение старшей великой княжны к престолонаследию, сама помогаясь его, дело с браком (Анны и давнего ее жениха голштинского герцога Карла Фридриха. — Е.А.) получило другой оборот. Императрица из-за своих видов начала способствовать целям герцога Голштинского и дала ему, по возможности, случай видаться и разговаривать с великой княжной». Действительно, после объявления в ноябре 1723 года о коронации Екатерины ее внимание к герцогу как потенциальному зятю заметно возросло.

Читатель помнит слова Макарова на совещании вельмож в ночь смерти Петра о том, что император уничтожил свое завещание перед поездкой в Москву на коронацию Екатерины. Если это так, то мы теперь можем предположить, что в этом завещании, уничтоженном царем, вероятно по настоянию его «друга сердешненького Катеринушки», наследницей престола была названа *Анна*. Все ждали, что после коронации жены Петр, уже в Москве, объявит свои намерения насчет брака голштинского герцога с одной из своих дочерей. Но этого не произошло. Берхгольц пишет, что 21 мая герцог узнал, что принцессы собираются уезжать в Петербург.

«Это было ему очень неприятно, потому что как сам он, так и почти вся Москва считали за верное, что в день рождения императора, то есть 30-го мая, будет сделано что-нибудь в пользу его высочества. Теперь все наши надежды разрушаются этим внезапным отъездом».

Между тем царь не спешил с объявлением согласия на брак по многим (главным образом – внешнеполитическим) причинам. Он долго взвешивал все «за» и «против» брака своей дочери с Карлом-Фридрихом, который являлся еще и наследником шведского престола. И хотя в рескрипте от 6 мая 1724 года русскому посланнику в Стокгольме М.П.Бестужеву-Рюмину сообщалось, что Россия обещает после коронации Екатерины заключить «с надлежащим достоинством и формалитетом» брак Анны Петровны и Карла-Фридриха, Петр колебался, ибо понимал, что России придется брать на себя серьезные обязательства по защите интересов царского зятя и в Швеции, и в самой Голштинии. У него уже был печальный опыт с мекленбургским герцогом Карлом-Леопольдом, в 1716 году женатым на племяннице Петра царевне Екатерине Иоанновне. Карл-Леопольд настойчиво требовал от своего нового могущественного родственника «разобраться» с мекленбургским дворянством, дружно выступавшим против своего суверена, прославившегося своей взбалмошностью и самодурством. Поначалу Петр стал оказывать зятю помощь – отправил войска в Мекленбург, но потом, увидев, что великие державы (в особенности

Англия) встали единым строем против русского вмешательства в дела Германии, отступил, думая прежде всего об интересах России.

К тому же не был окончательно решен и вопрос о том, какая из дочерей царя станет голштинской герцогиней – Анна или Елизавета. Впрочем, эта проблема жениха-герцога, обивавшего пороги русского двора с 1721 года, не особенно волновала – он ухаживал за обеими, ибо обе русские принцессы были очаровательны. Обо всех подробностях русско-голштинского дела скажу в главе о внешней политике, а теперь отмечу лишь, что Петр, несмотря на коронацию Екатерины, тянул с разрешением «брачного дела», когда вдруг осенью 1724 года весь клубок отношений вокруг этого брака стал стремительно раскручиваться.

В ожидании рождения внука-наследника

В дневнике камер-юнкера Берхгольца особый интерес представляют страницы за ноябрь 1724 года.

9 ноября он записал: «Сегодня нам сообщили по секрету странное известие, именно что вчера вечером камергер Монс, по возвращении своем домой, был взят генерал-майором и майором гвардии Ушаковым и посажен под арест...»

А вот запись следующего дня: «*10-го*. В 10 часов утра тайный советник Остерман без всякого предуведомления приехал к нам и пробыл полчаса наедине с его высочеством. Гене-

рал-лейтенант Ягужинский открыто говорил (в гостях) у тайного советника Бассевича, что поутру Остерман (вице-канцлер. – Е.А.) приезжал объявить герцогу, что император наконец твердо решился покончить дело его высочества и что обручение должно свершиться в Катеринин день», то есть 24 ноября.

16 ноября Берхгольц заносит в дневник сообщение о казни Монса, а *18 ноября* – о том, что «Остерман присылал к нам одного из своих чиновников за брачным контрактом. Его высочество показывал мне счет издержек на подарок, заказанный им для своей невесты. Издержки эти простирались до 10 000 талеров, но он не знал еще, которую из принцесс назначит ему император, старшую или вторую». И это была правда – Петр все не решался расстаться с любимой дочерью – возможной наследницей Анной: в черновике брачного контракта имя ее так и не упоминается, в соответствующих местах текста оставлены пропуски.

20 ноября 1724 года камер-юнкер отмечает в дневнике: «Тело камергера Монса все еще лежало на эшафоте», а *22-го* записывает: «Граф Остерман имел продолжительную беседу-конференцию с нашим герцогом в присутствии тайного советника Бассевича и посланника Штамкена. Они потребовали чернил и перьев, и вождеденный брачный контракт был наконец составлен окончательно. Сейчас видно по всему, что его высочеству (как мы все пламенно того желали) достанется несравненно прекрасная принцесса Анна».

И, наконец, последняя запись: «24-го. В день тезоименитства императрицы совершилось торжественное обручение нашего герцога с императорской принцессой Анной». Этим же 24 ноября был датирован и брачный контракт, согласно которому Анна «отрекается... за себя, своих наследников... и потомства мужеска и женска полу от всех прав, требований, дел и притязаний, какое бы они имя ни имели... на корону и империум Всероссийский» и «она, ея наследники и десценденты (потомки. — *Е.А.*) от сего числа в вечныя времена весьма исключены суть и быть имеют».

Историки обращают внимание только на эту статью договора, игнорируя секретный артикул, имеющий равную с ней юридическую силу и подписанный в тот же день.

В нем Петр оставляет за собой право взять в Россию сына Анны, с тем, чтобы передать ему российский престол. Таким образом, секретный артикул перечеркивает содержание статьи договора в части, касающейся сыновей Анны и Карла-Фридриха.

Что же все это означает в контексте событий ноября 1724 года? Уличив жену в измене, Петр потерял к ней доверие, справедливо полагая, что после его смерти и восшествия на престол Екатерины I его детищем – империей будет управлять любой прощельга, скакнувший в императрицыну постель. Об изменениях в дотоле теплых и доверительных отношениях супругов пишут многие наблюдатели. Так, Кампредон сообщал в ноябре 1724 года в Версаль, что царь стал

подозрителен и суров, что он «все еще сильно взволнован тем, что даже среди его домашних и слуг есть изменники. Поговаривают о полной немилости князя Меншикова и генерал-майора Мамонова, который председательствовал на суде над Шафировым и которому царь доверял почти безусловно. Говорят также о царском секретаре Макарове (слух этот верен – в ноябре 1724 года Петр получил анонимный донос о грандиозных злоупотреблениях своего кабинет-секретаря. – *Е.А.*), да и Ее величество царица тоже побаивается. Ее отношение к Монсу было известно всем, и хотя государыня всеми силами старается скрыть свое огорчение, но оно все же ясно видно и на лице, и обхождении ее. Все общество напряженно ждет, что с ней будет».

Я веду к тому, что дело Монса и его последствия подозрительно тесно увязываются со стремительным заключением в это же время брачного русско-голландского контракта. Можно предположить, что, потеряв доверие к жене, он решил заново переиграть партию престолонаследия. Давайте посмотрим донесение в Копенгаген датского посланника Вестфалена, человека весьма знающего, старожила иностранной колонии в Петербурге. По рассказу Вестфалена, Петр поначалу «написал завещание в пользу второй жены и детей ее. Между тем царица позволила слишком дружеские отношения с первым камергером своим Монсом, который, действительно, принадлежал к самым красивым и изящным людям, когда-либо виденным мною. Отношения

эти, наконец, зашли так далеко, что царь вынужден был подвергнуть Монса смертной казни и очень строго наказать всех участников этой интриги... В первом порыве гнева, вызванного этим событием, царь *сжег свое завещание в пользу царицы*, а смерть настигла его, когда он всего менее думал о ней, и он скончался, не распорядившись своим наследием».

Кажется, что сведения датского посланника полностью укладываются в нашу версию развития событий. Но внесем уточнения: Петр и в момент разоблачения Монса и Екатерины думал о судьбе престола. Секретная статья русско-голштинского брачного контракта говорит о том, что перед нами один из возможных вариантов решения проблемы наследника, вполне реальный выход из почти тупиковой ситуации. Практика передачи наследства внуку через головы детей (родителей внука) нередка в истории, а уж намерений на сей счет было всегда немало. Например, в 1761 году – накануне смерти Елизаветы Петровны – великокняжеская семья Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны более всего боялась, что императрица подпишет завещание в пользу любимого ею внука Павла. Позже сам Павел не без оснований опасался, что Екатерина II передаст престол внуку – цесаревичу Александру.

Итак, можно предположить, что до мая 1724 года существовало завещание Петра, скорее всего в пользу дочери *Анны*. Затем (если не врет Макаров) накануне коронации Екатерины это завещание было уничтожено, и взамен, вероят-

но, появилось новое, где наследницей была названа *Екатерина*. В ноябре 1724 года после ареста Монса (возможно, 10-го числа, когда Остерман внезапно появился у голштинского герцога или накануне) Петр в гневе на свою неверную жену-наследницу уничтожает это завещание, а спустя две недели, 24 ноября, подписывает брачный контракт, секретный артикул которого открывал дорогу к российскому престолу будущим сыновьям Анны. Нетрудно представить, что пятидесятидвухлетний Петр предполагал прожить еще несколько лет и надеялся дождаться рождения вожденного внука (сына любимой дочери и ее симпатичного мужа), которого он мог бы призвать в Россию и сделать своим преемником. Однако смерть рассудила по-своему...

Но весьма примечательно, что впоследствии замысел Петра был абсолютно точно осуществлен. Все произошло по схеме, предусмотренной им в секретном артикуле брачного контракта: его внук, сын Анны Петровны и Карла-Фридриха, родившийся 10 февраля 1728 года, Карл-Петер-Ульрих, был в 1742 году вызван из Голштинии своей бездетной теткой императрицей Елизаветой Петровной и стал сначала наследником престола Петром Федоровичем, а затем, в 1761 году, императором Петром III.

Вернемся вновь к обстоятельствам смерти Петра Великого. Нельзя не вспомнить здесь о широко распространенной красивой легенде о том, что Петр накануне смерти приказал подать грифельную доску (или лист бумаги), но успел

начертать лишь два слова: «*Отдайте все...*» — и смерть вырвала грифель (перо) из ослабевших рук, а коснеющий язык уже был не силах передать склонившимся над постелью родственникам и вельможам имя преемника.

Впервые эта легенда увидела свет в «Истории Российской империи при Петре Великом» (1761–1763 года) Вольтера, а затем была тиражирована в других публикациях. Источником ее является рукопись под названием «Пояснения многим событиям, происшедшим в царствование Петра Великого, извлеченные из бумаг покойного Геннинга Фридерика де Бассевича».

Н.И.Павленко в своей фундаментальной монографии «Петр Великий» пишет, что эпизод со словами «Отдайте все...», как и некоторые другие отрывки, не написан самим Бассевичем, а вставлен неизвестным голштинцем, делавшим в 1761 году для Вольтера выписки из бумаг умершего за двенадцать лет до этого Бассевича. Эта фальсификация, по мнению ученого, понадобилась анонимному голштинцу для того, чтобы укрепить позиции и «законные» (кавычки Н.И.Павленко) права на русский престол великого князя Петра Федоровича, который своим антирусским поведением во время Семилетней войны с Пруссией (1756–1761 годы) подорвал доверие к себе Елизаветы.

Фигура фальсификатора необходима Н.И.Павленко для того, чтобы связать концы с концами, ведь Бассевич, по его мнению, «был конечно же осведомлен» о содержании брач-

ного контракта, согласно которому Анна и ее наследники (то есть Петр Федорович) отказывались от престола. Внесем сразу же уточнения. Бассевич был не просто «осведомлен» о содержании брачного контракта 1724 года, а сам участвовал в его составлении и даже подписал его.

Но тут важнее другое – подпись Бассевича стоит и под помещенным там же секретным артикулом, как раз открывавшим (а не закрывавшим) сыновьям Анны путь на русский престол: повторим, согласно артикулу царь мог вызвать из Голштинии принца для передачи ему наследства.

Таким образом, законность прав Петра Федоровича на корону Российской империи не нуждалась ни в каких ухищренных подтверждениях и фальсификациях неведомых голштинцев. Его права были для современников бесспорны, очевидны, и поэтому Елизавета, как только пришла к власти, тотчас же выписала совсем не любимого племянника из Голштинии и сделала 7 ноября 1742 года своим наследником, с тем, чтобы держать под контролем этого потенциально опасного соперника – единственного внука Петра Великого. Действительно, перед смертью, как доносят до нас некоторые источники, она колебалась в определении наследника, но затем, уже накануне смерти, публично выразила доверие племяннику и благословила его на царство.

Любопытно, что и сама Анна Петровна не утратила прав на престол отца даже после подписания брачного контракта и обручения с Карлом-Фридрихом в 1724 году. Брачный

контракт и даже обручение еще не есть церковное венчание, и история России знала немало примеров разорванных помолвок. Так что Петр был вправе порвать брачный контракт и, согласно «Уставу о престолонаследии», передать престол дочери даже в день своей смерти, тем более что Анна, как мы видели выше, долгое время фигурировала как возможная наследница. Строго говоря, Анна юридически не утратила своих прав даже после венчания в 1725 году: Тестамент (завещание) Екатерины I 1727 года делал ее «с ее десцендентами» наследницей престола в случае смерти бездетного Петра II. Примечательно, что, уезжая в Голштинию летом 1727 года, уже при Петре II, Анна Петровна подписала квитанцию о получении из казны денег как «Ее высочество наследная принцесса Российская».

Таким образом, полностью отрицать то, что Петр, умирая, хотел передать престол тогда еще незамужней дочери Анне, нельзя. Но это еще и не означает, что утверждения Бассевича о твердом намерении Петра сделать преемницей Анну и эпизод со знаменитыми словами: «Отдайте все...» – в его подаче – достоверны.

Смысл всего текста Бассевича об Анне очевиден.

Для него, голштинского патриота, политического деятеля маленького германского княжества, было крайне важно подчеркнуть, что повелительницей его Голштинии стала достойная короны великой империи дочь великого царя, думавшего о ней как о своей наследнице до последней минуты. Но

судьба, увы, распорядилась иначе, и теперь (когда он писал мемуары) на престоле России восседает вторая дочь Петра – Елизавета, которая могла быть подданной императрицы Анны Петровны. Вот для чего и нужен этот эпизод со словами: «Отдайте все...».

В достоверности этого эпизода есть основания сомневаться и по другим причинам. Во-первых, кажется странным, что никто, кроме Бассевича, об этих словах не упоминает, между тем у постели умирающего всегда были люди.

Во-вторых, версия жизни Петра в последние часы, по рассказу Бассевича, не выдерживает проверки с точки зрения последовательности и продолжительности событий.

Согласно Бассевичу, Петр впал в бессознательное состояние за 36 часов до смерти, последовавшей в 5 часов 15 минут утра 28 января, то есть в 17 часов вечера 26 января. Феофан же пишет, что «в 27 день генваря, в исходе второго пополудни часа, государь весьма оскудевать и к кончине приближаться начал». Когда к нему явились священники и стали его причащать, то он «засхлым языком и помешанными (затрудненными. – Е.А.) речью» повторял слова молитвы. После этого в конторку к нему стали приходить прощаться сенаторы и генералы и «руку государеву с плачем и хлипанием целовать начали. Лежал он молча и всех приходящих взглядом приветствуя». Через некоторое время «не без труда проговорил: «После»». И «тем словом покоя ли требовал, или о времени смерти следующем говорил, про то неизвест-

но, и так все из комнаты вышли».

Таким образом, по «хронометражу» Феофана видно, что Петр осознанно реагировал на действия священнослужителей еще за 15 часов до смерти, то есть в 14 часов 27 января. По Бассевичу же, он к этому времени уже почти сутки находился без сознания и дара речи. Думаю, что версия Феофана более основательна. Бассевичу, для пущей убедительности ключевого эпизода с роковыми словами, требовалось как можно раньше «отправить» царя в бессознательное состояние.

И все же задумаемся над тем, почему окружающие не напомнили царю о его долге определить наследника престола. Ведь он мог это сделать не раз – царь почти до конца был в сознании и понимал обращенные к нему слова, даже утратив способность говорить. Думаю, что вся обстановка в конторке мало благоприятствовала этому. Кампредон, ссылаясь на мнение очевидцев, отмечал, что Петр до самого конца отчаянно цеплялся за жизнь и был полностью погружен в эту борьбу, «сильно упал духом и выказывал даже мелочную боязнь смерти». О горячей, исступленной молитве Петра в эти часы писал и Феофан. Окружающие не напоминали ему о завещании, «боясь обескуражить его этим как предвещением близкой кончины». Впрочем, проницательный Кампредон высказывает и другое предположение: «Царица и ее друзья, зная и без того желания умирающего монарха, опасались, как бы слабость духа, подавленного бре-

менем страшных страданий, не побудила его изменить как-либо свои прежние намерения» передать престол Екатерине. Иначе говоря, для Екатерины и ее «партии» *выгоднее* было отсутствие завещания, чем спровоцированное просьбами объявление воли царя. А какое оно было – Бог весть! Оно могло перечеркнуть уже подготовленные Екатериной и Меншиковым планы на час икс – время захвата власти.

Нельзя исключить, что колебания Петра с завещанием обусловлены (не менее физических страданий) его тягостными размышлениями о том, в чьих руках останется власть, новая Россия, Петербург, флот. Мы не знаем, о чем думал царь в эти часы, но для него было ясно, что все варианты наследования плохи. Если передать престол шестнадцатилетней Анне, то власть фактически перейдет к герцогу и голштинской «партии», думающей только об интересах своего государства, а против Анны будут все – и Екатерина, и Меншиков, и «бояре», значит, раздоры и смута неизбежны. Екатерина – коронованная блядь (лучше не думать!), Елизавета – легкомысленна. Внук – будущий враг, мститель за отца... На кого можно положиться? Кто мог бы помочь кому-нибудь из царской семьи править страной? Меншиков – вор. Головкин – круглый нуль. Толстому – уже за семьдесят. Ягужинский – пьяница и фанфарон. Макаров – взяточник... Ни наследников, ни соратников, ни продолжателей...

Поэтому, в контексте событий, развернувшихся во дворце, не будет преувеличением считать, что последним сло-

вом Петра на земле было услышанное Феофаном слово «ПОСЛЕ». «Уйдите, оставьте меня в покое, потом я все решу, после, ПОСЛЕ...» – вот что, вероятно, он хотел сказать...

Виват наша государыня!

...Но пора, однако, вернуться в тот зал, где Макаров отвечает на вопрос Меншикова о завещании покойного императора. Конечно, окажись там в этот момент, я бы спросил Макарова, что он знает о содержании завещания, при каких обстоятельствах оно было составлено и затем уничтожено. Но подобного вопроса никто не задал, ибо многие, узнав наверняка, что завещания нет, увлеклись резонной мыслью: отсутствие завещания свидетельствует о колебаниях Петра до самого конца и он, не выразив письменно или устно свою последнюю волю, поручил определение наследника своим подданным. Такой вывод можно было действительно сделать из ответа Макарова.

И тут, по словам Бассевича, «архиепископ Феофан, видя, что вельможи несогласны во мнениях, обратился к собранию с просьбой позволить ему сказать свое слово». Он заявил, что все должны следовать присяге, данной в 1722 году при утверждении «Устава о наследии престола», признававшего за государем право самому назначать преемника. Это было сказано явно для того, чтобы отвести предложение об автоматической передаче престола великому князю как един-

ственному прямому наследнику. Но высказывание Феофана не снимало главного сомнения: закон 1722 года есть закон, но, тем не менее, Петр не назначил наследника согласно этому закону. «Некоторые возразили ему, – продолжает Бассевич, – что здесь не видно такого ясного назначения, как старается представить Макаров, что недостаток этот можно принять за признак нерешительности, в которой скончался монарх, и что поэтому вместо него вопрос должно решить государство».

В ответ на это Феофан, прервав шум, рассказал, по сообщению все того же Бассевича, как накануне коронации Екатерины император Петр, будучи в гостях у одного английского купца, «открывая свое сердце перед своими друзьями и верными слугами, подтвердил, что возвел на престол свою супругу только для того, чтобы после его смерти она могла стать во главе государства». И тут Феофан обратился к канцлеру Головкину и некоторым из присутствующих за подтверждением сказанного. Они подтвердили, что такой случай был.

Остановимся на минуту. Уж очень слабы были аргументы сторонников Екатерины, если приходилось извлекать на свет божий воспоминания о давней дружеской попойке в доме неизвестного английского купца. Мы, как и присутствовавшие тогда в зале, прекрасно знаем, как такие пирушки-попойки проходили при Петре и что не раз участники их бывали в крайне плачевном состоянии и порой забывали не толь-

ко содержание застольных бесед, но и собственные имена. Кроме того, очень сомнительно, чтобы Петр, человек скрытный и недоверчивый, в доме какого-то купца «открывал свое сердце» друзьям, которых у него отродясь не было...

Думаю, что в этот момент чаша весов, поначалу перевесившая на сторону Екатерины внезапным приступом ее сторонников, вдруг уравнилась слабостью аргументации Феофана, вся ситуация стала весьма щекотливой и, очевидно, в зале начался спор. Как писал сам Феофан в «Краткой повести о смерти Петра Великого», «многие говорили, что скипетр никому иному не надлежит, кроме Ея императорского величества государыне, как и самую вещь Ея есть по силе совершившейся недавно Ее величества коронации. Неции (некоторые. — *Е.А.*) же рассуждать почали, подает ли право такое коронация, когда и в прочих народах царицы коронуются, а для того наследницами не бывают». И далее Феофан предлагает потомкам «облагороженную» по сравнению с пересказом Бассевича редакцию воспоминаний о дружеской пирушке: «Но тогда некто (каков скромник! — *Е.А.*) вспомянул, с каким намерением государь супругу свою короновал, то есть еще прежде похода Персидского (то есть до весны 1722 года. — *Е.А.*) открыл он мысль свою четырем из министров, двоим из Синода персонам, здесь присутствующим, и говорил, что тая нужда короновать ему супругу свою, которого обычая прежде в России не бывало, что аще бы каким случаем его не стало, праздный престол тако без наслед-

ника не остался бы».

Но и в таком «облагороженном» виде воспоминания Феофана аргументов в пользу Екатерины не прибавляют.

Однако Феофан упоминает в своем сочинении, что «оный некто слался на свидетельство слышавших оное слово и здесь присутствующих: что един первее (Головкин. – *Е.А.*) подтвердил, то же и прочие засвидетельствовали». И далее Феофан делает примечательный вывод: «И тако без всякого сумнительства явно показалось, что Государыня императрица державу Российскую наследствовала и что не елекция (выборы. – *Е.А.*) делается, понеже прежде уже наследница толь чинно и славно поставлена, чего дабы и конгресс тот не елекциею, но декларациею (объявлением. – *Е.А.*) назван бы, согласно приговорили». Что стояло за последним пассажем из «Краткой повести» нашего златоуста?

А стояло за этим, по-видимому, следующее: увидав, что кандидатура великого князя «горит», оппозиция пошла по вполне легальному и допустимому в данной ситуации пути, предложив утвердить наследника престола с помощью выборов на совещании главнейших чинов. Австрийский дипломат Гогенгольц сообщал, что в этот момент канцлер Головкин предложил обратиться «к народу» с вопросом, кому занять престол: Петру или Екатерине? Его поддержали князя А.И.Репнин, В.А. Долгорукий и Д.М.Голицын, то есть сторонники великого князя Петра Алексеевича. Однако это предложение сторонниками Екатерины было отвергнуто как

явно невыгодное им. Пытался, по словам голландского дипломата де Вильде, им возражать и П.М.Апраксин, «но его речь приняли очень дурно и даже не дали договорить, так что от испуга с ним вчера сделался удар».

Отвергнуто было и очевидно продуманное заранее компромиссное предложение оппозиции провозгласить Петра-внука императором, а Екатерину – регентшей вплоть до его совершеннолетия. Здесь, по сообщениям Кампредона и Мардефельда, вперед выступил ранее молчавший старый лис П.А.Толстой и стал доказывать, что при осуществлении такого варианта возникнет угроза раскола общества, что стране нужен общий, твердый лидер и лучше, чем Екатерина, кандидатуры нет. Надо полагать, что, раз на авансцену вышел Толстой, наступил решающий момент. Все дипломаты отмечают в своих донесениях, что возражения и предложения оппозиции тонули в выкриках разгоряченных гвардейцев, которые обещали «расколоть головы боярам», если они не выберут на престол «матушку». Гогенгольц уточняет, что майор гвардии А.И.Ушак: ов без обиняков заявил почтенному собранию тайных советников, сенаторов и генералов, что гвардия видит на престоле только Екатерину, а кто будет этим недоволен, может и пострадать. Перед нами классический вариант той разновидности дворцового переворота, когда законная власть становится заложником заговорщиков и вынуждена действовать по их указке.

Не менее сильным аргументом в пользу Екатерины, кро-

ме выкриков и угроз гвардейцев, была и та мысль, которую, по словам Кампредона, нашептывали в уши колеблющимся вельможам: «Ведь все подписали смертный приговор царевичу, отцу великого князя». И это была святая правда, а отвечать перед сыном за казненного по приговору его подданных отца явно никто не жаждал.

На этом фоне понятно, почему так убедительно прозвучали (в передаче Бассевича) финальные слова Меншикова. Обращаясь к подтвердившим рассказ Феофана вельможам (сам светлейший, по-видимому, на пирушке у английского купца не был), он сказал: ««В таком случае, господа, я не спрашиваю никакого завещания. Ваше свидетельство стоит какого-то ни было завещания. Если наш великий император поручил свою волю правдивости знатнейших своих подданных, то не сообразоваться с этим было бы преступлением и против нашей чести, и против самодержавной власти государя. Я верю вам, отцы мои и братья, и да здравствует наша августейшая государыня императрица Екатерина!» Эти последние слова, – продолжает Бассевич, – в ту же минуту были повторены всем собранием, и никто не хотел показать виду, что произносит их против воли и лишь по примеру других».

Когда Гогенгольц, раздосадованный неблагоприятным для Австрии исходом дела, с раздражением спросил на следующий день Бассевича, неужели не было ни одного сторонника великого князя, то Бассевич, не прибегая более ни к каким уловкам – дело уже сделано! – откровенно отвечал, что

«партия» Меншикова принудила сторонников Петра подписать манифест о воцарении Екатерины, так как те боялись войска. В этом и состояла суть происшедшего, ибо, как писал Кампредон, «решения гвардии здесь – закон».

А дальше все пошло своим чередом: депутация к ожидавшей исхода борьбы Екатерине, поспешное составление манифеста, который тотчас подписали присутствующие сановники. Манифест упоминает «Устав о наследии престола» и утвержденный им порядок, чтобы «быть наследником тому, кто по воле императорской будет избран», а далее через оборот «а понеже», то есть «так как», упоминается факт коронации императрицы в 1724 году, и в конце: «того ради» (то есть «на этом основании») «согласно приказали во всенародное известие объявить печатными листами, дабы все... люди о том ведали» – о восшествии на престол Екатерины.

Таким образом, ничего нового для обоснования прав Екатерины придумано не было, манифест полностью обходит проблему завещания Петра, как и умалчивал имя великого князя, но, составленный в весомых на бумаге и тяжелых на слух выражениях, он сам становился аргументом, оспорить который уже никто не смел. Под ним подписались обе стороны – и победители, и побежденные. К восьми утра все было кончено. Утро нового царствования оказалось на редкость спокойным, улицы зимнего города были пусты и тихи. На фоне потрясшего всех известия о смерти великого царя сам факт воцарения Екатерины и связанные с ним нервные об-

стоятельства не привлекли всеобщего внимания.

Все наблюдатели говорят об огромном горе, которое охватило жителей столицы, а потом и страны. В день смерти Петра А.В.Макаров писал в Москву графу А.А.Матвееву: «Ах, Боже мой! Как сие чувствительно нам, бедным, и о том уже не распространяю, ибо сами со временем еще более рассудите, нежели я теперь в такой нечаянной горести пишу...». В искренности горя петровского секретаря не приходится сомневаться – он многие годы был рядом с царем и не мыслил своего существования без него. Но такие же чувства испытывали и многие другие. Берхгольц пишет, что в гвардии «не было ни одного человека, который бы не плакал об этой неожиданной и горестной кончине как ребенок... Вообще все люди без исключения предавались неопisanному плачу и рыданиям. В то утро не встречалось почти ни одного человека, который бы не плакал или не имел глаз, опухших от слез».

Такая же реакция была и в старой столице. Анонимный автор «Записок о военных и политических событиях послепетровского времени» писал, что, когда собравшийся по призыву колоколов народ услышал первые слова манифеста о смерти Петра Великого, «тогда каковыя поднялись вопли, что насилу утолить возможно было к слушанию всея декларации и панихидова пения».

Думаю, что те, кто пережил день смерти Сталина, согласятся со мной: Берхгольц и неизвестный автор «Записок» не

преувеличивали. Когда умирает великий правитель, люди, по-видимому, особенно остро чувствуют, что рушится порядок, в незыблемости которого никто не сомневался и гарантом которого этот правитель был бесконечную вереницу лет. В такие моменты современники осознают, что все они перешли какой-то важный рубеж, что кончилось не просто царствование, а целая эпоха, и грядут новые времена, и даль их туманна и тревожна. По крайней мере, людям с более здравым и циничным взглядом на вещи в тот момент появиться на улицах, «не посплюня глаз», было небезопасно и приходилось изображать скорбь.

Глава 2

До чего мы дожили, о россияне?

Каструм Долорис

10 марта 1725 года Петербург прощался с Петром Великим. После споров о том, где хоронить императора – в царской усыпальнице под полом собора Михаила Архангела в Кремле или в новом, еще не достроенном и не освященном Петропавловском соборе, было решено остановиться на последнем варианте – все понимали символическое значение связи основателя города с самим городом. Кто-то предложил поставить гроб с телом Петра в старой деревянной церкви, внутри недостроенного Петропавловского собора.

Весь февраль и десять дней марта гроб Петра находился в большой «сале» Зимнего дома, которая была превращена в «каструм долорис, или печальную салу». Ее убранство по роскоши и богатству превосходило все виданное до сих пор в новой столице, начиная с золотых шпалер на стенах, скульптур, больших мраморных пирамид с фигурами и траурными надписями, «которые толковали причину оных пирамидов», и кончая роскошным золоченым балдахином с мантией из золотой парчи, подбитой горностаями. В полутьме от постоянно завешанных черным флером окон и неверного света

свечей непрерывным потоком шли тысячи людей без различия звания, чина и возраста, «плачуще и руку Отца целующе». Они подходили к гробу и видели своего царя преображенным и незнакомым. Вечно спешащий по улицам города, в потертом камзоле, заштопанных чулках, стоптанных башмаках, он был неузнаваем: в оклеенном золотой гладкой парчой гробе («на образ раки») лежал высокий человек в роскошном платье, вышитом серебром, с серебряной бахромой, в кружевах, с орденом Андрея Первозванного и голубой лентой через плечо. Византийская роскошь последнего одеяния Петра, гроба, зала, всей церемонии похорон как бы компенсировала скромность и даже бедность его обыденной жизни, окончательно ставя все на свои места: кесарю – кесарево.

Изучая историю похорон Петра, нельзя пройти мимо одного любопытного обстоятельства. Тело императора было перенесено из конторки в «печальную салу» уже 29 января, и источники противоречивы относительно того, было ли тело бальзамировано или нет, – все же оно простояло открытым сорок дней. Биограф Петра И.И.Голиков пишет вполне определенно, что «врачи вскрыли тело усопшего императора... и после бальзамирования внутренности его снят с лица его гипсовый портрет». О тайном вскрытии пишет и саксонский посланник Лефорт. Зато все другие дипломаты утверждают обратное. Голландец де Вильде сообщал, что 30 января открыли лицо царя, но «тело не бальзамировали и не вскрывали, при здешнем холоде оно продержится». Иного

мнения был Берхгольц, записавший в дневник 8 февраля: «Его королевское высочество видел сегодня утром тело императора, которое уже почернело и попортилось». Прусский посланник Аксель Мардефельд сообщал в Берлин 9 февраля: «Труп покойного императора лежит еще на парадном ложе, несмотря на то, что он уже позеленел и течет... Императрица посещает своего покойного супруга еще ежедневно и оплакивает его и при этом вдыхает в себя много вредного испарения и подвергает опасности свое здоровье».

4 марта «в доме Государевом к печали печаль новая при- была» – умерла заболевшая в 20-х числах февраля корью младшая дочь Петра Наталья, маленький гробик которой был выставлен в соседнем помещении.

Лейб-Ферд, или Праздник похорон

10 марта около полудня пушечным выстрелом Петербург был извещен о начале торжественной, еще никогда не виданной жителями церемонии царских похорон. Уже с раннего утра к Неве сходились люди, и, как пишет Феофан, «тоlikое вскоре множество народа собралось, что не только по обеим сторонам путь широко заключили, но и везде крыльца и по всем, палатам окна наполнили и самые кровли не праздны были». Народ теснился вдоль всего посыпанного желтым песком и устланного свежими еловыми лапами пути, который тянулся по заснеженному берегу Невы от Зимнего дома

(современный Эрмитажный театр) до Почтового дома (ныне на его месте Мраморный дворец) и затем через Неву – по специально построенному мосту.

Мы не можем точно сказать, какая была в тот день погода, но Кампредон пишет, что через три дня после похорон крупными хлопьями падал снег с градом. Трудно предположить, что в день похорон погода была лучше.

Точно известно, что гроб везли на санях, – Нева еще не вскрылась, и мост с затянутыми черной материей перилами проложили прямо по льду. Вдоль всего пути сплошными шпалерами стояли войска: солдаты и офицеры с опущенными знаменами и через равные промежутки – 1250 «мушкетеров» с факелами.

Около трех часов дня император отправился в свой последний путь: гроб вынесли через отворенное окно Зимнего дома и спустили вниз на набережную по обитой черной материей лестнице. Процессию открывал сводный отряд из 48 трубачей и восьми литаврщиков, которые своей печальной музыкой задавали тон всему шествию. Следом за ними шли пажи и весь прочий придворный штат, а также иностранные купцы. За красным военным знаменем шла в сопровождении двух полковников «лейб-ферд, сиречь лошадь любимая седла Его императорского величества, на которой в походах своих изволил ездить». Она была в богатом уборе, с красными и белыми плюмажами. Возможно, что она под любимым для Петра именем Лизета до сих пор хранится в Зоологиче-

ском музее Российской академии наук в Санкт-Петербурге в виде чучела вместе с чучелом же любимой собачки Петра, которую также звали Лизетой.

Думаю, что всеобщее внимание присутствующих привлекли две символические фигуры жизни и смерти в виде латников с опущенными обнаженными мечами: один верхом в вызолоченных латах, другой – пеший в черных латах, а также красочное шествие знамен с гербами земель империи, писанных «золотом и серебром с красками по черной тафте с черными кистями и бахромою». В этих знаменах, иллюстрировавших полный титул императора, отразилась вся история создания Российской империи с древнейших времен. За «Черкасским знаменем» следовали знамена всех других царств и владений российского императора: Кабардинское, Грузинское, Карталинское, Иверское, Кондийское, Обдорское, Удорское, Белозерское, Ярославское, Ростовское, Рязанское, Черниговское, Нижегородское, Болгарское, Вятское, Пермское, Югерское, Тверское, Ижорское, Корельское, Лифляндское, Эстляндское, Смоленское, Псковское, Сибирское, Астраханское, Казанское, Новгородское, Владимирское, Киевское и, наконец, самое главное – Московское.

Выразительно было и белое знамя, «на котором эмблема и девиз императорская, писана золотом и серебром с кистями и бахромою золотыми». Эмблемой первого императора, как пишет Феофан, был «резец (т. е. скульптор. – Е.А.),

делающий статую». Это был точный символ преобразования, весьма зловещий образ грандиозного начатого триста лет назад социального эксперимента: скульптор-преобразователь по своей модели с помощью острого орудия создает из бесформенного материала новую Россию. Как не вспомнить тут фрагмент поэмы М.Волошина «Россия»:

Не то мясник, а может быть, ваятель —
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею...

Величественный крестный ход – несколько сот церковников в траурных белых ризах с хоругвями в сопровождении огромного числа певчих – завершал первую половину траурного шествия. Феофан Прокопович, автор «Краткой повести о смерти Петра Великого», которую я цитирую, не мог, несмотря на трагизм минуты, скрыть своего эстетического восторга при виде этой «зело приятной смотрящим процессии». Да, такого Россия еще никогда не видела, и вполне естественно, что печаль участников похорон смешивалась с острым любопытством зрителей этого по-восточному пышного зрелища.

И вот показались два гроба, укрытые золотыми парчовыми покрывалами. Впереди гвардейские офицеры несли на руках гробик цесаревны Натальи, а за ним восьмерка покрытых черным бархатом лошадей медленно влекла резные сани с гробом императора, стоявшего под роскошным балда-

хином с серебряными штангами. (То, что это были сани с восьмеркой лошадей, я знал давно, еще до того, как взял в руки «Описание погребения» Петра: на известном и часто репродуцируемом лубке «Как мыши кота хоронили», пародирующем похороны грозного царя, прекрасно видно, что усатый кот возлежит на санях, которые усердно тащат восемь мышей.)

Множество генералов и офицеров торжественно и осторожно несли перед гробом на золотых подушках то, что большинство зрителей, скорее всего, никогда в жизни не видели, — специально доставленные из Москвы символы царской власти и награды царя: четыре государственных меча острием вниз, кавалерии орденов, полученных Петром, скипетр, державу и «зело пребогатую» корону Российской империи.

Сразу за гробом в сопровождении ассистентов шла Екатерина в траурной одежде, с «закрытым лицом черною матернею». И далее следовала царская фамилия, порядок шествия которой был определен событиями 28–29 января: Анна Петровна, Елизавета Петровна, затем — дочери царя Ивана, старшего брата покойного: герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна и ее сестра — Прасковья (Анну, похоже, даже не позвали из Митавы — ныне Елгава, Латвия). Пятое и шестое места занимали двоюродные сестры Петра по матери — Мария Львовна и Анна Львовна Нарышкины. Седьмым шел жених Анны Петровны герцог Карл Фридрих, Голштинский,

и, наконец, только восьмым – внук покойного императора Петр Алексеевич-младший. Конечно, это было демонстративное унижение великого князя – подлинного наследника, поставленного ниже иностранца, жениха дочери Петра. Это, по сообщению Гогенгольца, вызывало всеобщее негодование, как и то, что в самом соборе великому князю Петру не нашлось даже места на главной, почетной трибуне семьи Романовых, по правую руку от гроба.

Оскорбительным для великого князя было и то, что его ассистентами назначили второразрядных государственных деятелей – президента Вотчинной коллегии и обер-президента Главного магистрата. Екатерину сопровождали Меншиков и генерал-адмирал граф Ф.М.Апраксин, Анну Петровну – генерал-фельдмаршал князь А.И.Репнин и государственный канцлер граф Г.И.Головкин. Ассистентами Елизаветы были генерал ЛН.Алларт и граф П.А.Толстой.

Но и те, кто это заметили, и те, кто остались равнодушны к протоколу шествия, были подавлены торжественной и мрачной красотой происходящего: траурные звуки множества полковых оркестров, глухой рокот полковых барабанов, тяжкие удары литавр, слаженное пение нескольких сот дьяконов и церковных певчих, бряцание оружия и благовонный дым кадил... Непрерывный звон колоколов со всех церквей столицы через равные промежутки времени заглушался пушечной стрельбой. Эта стрельба производила очень сильное, угнетающее впечатление: с болверков Петропавловской кре-

пости раздавались мерные, как удары огромного метронома, выстрелы «не многий вдруг, но один по другому, чрез минуту, разливая некий *печальный ужас*».

Слово на погребение

В маленькую церковь посреди недостроенного Петропавловского собора – второй яркий символ империи Петра – была допущена только знать и, по-современному говоря, «представители общественности» – горожане, купцы, иностранцы – во избежание вполне понятной в ограниченном пространстве давки. Церемония панихиды не была долгой. Как писал Феофан, это было «обычное по уставу погребальное последование», т. е. процедура продолжительностью не более часа.

Во время панихиды Феофан произнес краткую, минут на десять, речь – «Слово на погребение Петра Великого», вошедшую в хрестоматии русского ораторского искусства. Именно она начинается впечатляющими до сих пор и памятными многим словами: «Что се есть? До чего мы дожили, о Россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? Ах, как истинная печаль! Ах, как известное наше злоключение! Виновник безчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки из мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу или паче – роджший и воспитавший,

прямой сей Отчества своего отец, которому по его достоинству добрии российствии сынове безсмертну быти желали; по летам же и составу крепости многолетно еще жити имущего вси надеялися: противно и желанию и чаянию скончал жизнь!»

Феофан, непревзойденный оратор своего времени, блестяще владел живым, доходчивым, звучным словом. Человек опытный, умный, обученный мастерству оратора по античным законам элоквенции, он сразу овладевал душами слушателей. Хорошо поставленный, громкий голос, точный жест, подкупающе искренняя интонация, умение учесть все тонкие нюансы обстановки, времени, темы – все это делало архиепископа Псковского подлинным волшебником слова.

Речь Феофана построена очень искусно. Учитывая, что Петр умер больше месяца назад и к этому печальному факту люди начали привыкать, он призывает их оглянуться, очнуться, заново осознать, ЧТО свершается в это мгновение, понять, что это не сон, не наваждение, а суровая воля Бога, призвавшего одного из своих смертных на суд. Нельзя забывать, что сознательная жизнь большинства приутствующих на панихиде в основном прошла при царствовании Петра, – ведь он был царем долгих тридцать пять – да еще каких! – лет. И вот столь внезапный, трагический конец. Думаю, что голос Феофана тонул в плаче и стенаниях слушателей – людей более эмоциональных, чем мы, людей, которые могли падать в обморок от счастья, позора, горести, внезапно заболеть

вать нервной горячкой.

Посмотрим, говорит оратор, кем был для нас Петр Великий, оценим его роль в нашей жизни и истории России. Он был ее непобедимым Самсоном, разорвавшим пасть шведскому льву, мужественным мореплавателем, подобным библейскому Иафету. Кроме того, он был ее мудрым законодателем – таким, как Моисей, справедливым, как Соломон, судьей. Наконец, он был, как византийский император Константин, реформатором церкви. Но и в этих ярких сравнениях Феофан знает меру – нет привычных античных аналогий с Александром Македонским или Цезарем. Образ задан – и достаточно: «простирати речи не допускает настоящая печаль и жалость».

Далее следует новый поворот – и речь достигает своего апофеоза. Оглянитесь, россияне, смахните слезы, призывает Феофан, ведь все вокруг – творения его жизни ради жизни: чудный молодой город, доблестные полки его победоносной армии – все это существует, не видение это! «Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет, сделал врагам страшную, страшная и будет, сделал на весь мир славную, славная и быти не престанет. Оставил нам духовныя, гражданския и воинския исправления. Убо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам». Иначе говоря, «он умер, но

дело его будет жить вечно».

И на этой эмоциональной волне Феофан произносит слова похвалы, обращенные к стоящей у гроба вдове: «Наипаче же в своем в вечныя отечествии, не оставил нас сирых. Как-ко бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нам помощника в жизни его, и подобонравного владетеля по смерти его, Тебе, всемилостивейшая и самодержавнейшая Государыня наша, великая Героиня, и Монархиня, и Мать Всероссийская. Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быти подобной Петру Великому».

Кончается речь традиционным призывом ко всем без различия сословиям еще теснее сплотиться вокруг трона, верностью и повиновением утешить «государыню и мать вашу, утешайте и самих себя несумненным познанием, Петрова духа в Монархине вашей видяше, яко не весь Петр отшел от нас».

Здесь Феофан перечисляет членов осиротевшей царской фамилии, причем называет не имена, а степени родства членов семьи по отношению к Петру: «дщери, внуки, племянники», то есть не в том порядке, что был предусмотрен регламентом похоронного шествия. Дочери – это Анна и Елизавета, внуки – Петр и Наталья (отсутствовала по болезни), племянницы – Екатерина, Анна и Прасковья. Не думаю, что Феофан не знал официальной «расстановки» – протокол и до сих пор вещь строгая и обязательная, – все персоны пе-

речислены именно в такой последовательности, скорее всего, не случайно: кто знает, что будет завтра, а архиепископ Псковский всегда думает о своем завтрашнем дне. В этом — весь Феофан, ловкий царедворец.

Церемония быстро заканчивается, гроб закрывают, возле него устанавливают круглосуточный караул, и темное низкое небо Петербурга раскалывается от страшного грохота: «Из всего паки мелкого оружия, такожде и из всех пушек крепости и в Адмиралтействе вдруг страшный трижды гром великий издан».

Так, под гром и дым залпов, великий Петр сошел с арены мировой истории... На следующий день начались будни.

Глава 3

Может ли кухарка управлять государством?

Показуя свою милость

«Смерть царя, – доносил своему правительству голландский дипломат де Вильде в начале февраля 1725 года, – до сих пор не внесла никаких изменений, дела продолжают идти в направлении, какое было дано им раньше, и даже издан указ, предписывающий сохранить все по-старому».

Действительно, с первых шагов царствования Екатерина I и ее советники стремились показать всем, что знамя в надежных руках, что страна уверенно идет по пути, предначертанному великим реформатором. Лозунгом начала екатеринского царствования были слова указа 19 мая 1725 года: «Мы желаем все дела, зачатые трудами императора, с помощью Божиею, совершить».

Поначалу правительство опасалось выступлений армии, особенно тех ее частей, которые стояли на зимних квартирах на Украине. Ими командовал весьма авторитетный в войсках генерал князь Михаил Михайлович Голицын, принадлежавший по своим взглядам и родственным связям к потер-

певшим поражение «боярам», или, по терминологии депеш иностранных посланников, «старым боярам» (vieux boyards). В помощники к нему был срочно послан верный Екатерине генерал Вейсбах. Но Голицын вел себя спокойно, и весной 1725 года за лояльность к новой власти и в признание его воинских заслуг в годы Северной войны он удостоился следующего воинского звания – генерал-фельдмаршала. Получили повышение и награды и другие генералы, в итоге произошла общая «подвижка» вверх по иерархии воинских чинов, что, как известно, военные всегда приветствуют. В.А.Нащокин вспоминал, что с воцарением Екатерины «во всей армии великая перемена чинам была произведена, а долговременно которые служили, получили по желанию отставку. Я тогда был в Белгородском пехотном полку, и, сколько есть в полку штаб– и обер-офицеров, все переменены чинами, кроме полковника».

Спокойно, без эксцессов прошло и подписание присяги новой государыне 3 февраля. Высшие чиновники и генералы получали отдельные листы с присягой на верность Екатерине и, подписав, передавали в руки Светлейшему.

Императрица первыми своими шагами как бы внушала подданным, что править намерена «милостиво» и отнюдь не будет так крута и жестока, как ее покойный супруг. И это сразу же все почувствовали. Вздохнули с облегчением провинившиеся перед императором и законом вельможи и чиновники. Вероятно, стал спокойно спать генерал-майор

Г. Чернышев, незадолго до кончины государя промешкавший с размещением армейских полков в Московской губернии. 3 января 1725 года он получил от больного царя письмо, написанное мало разборчивым почерком, но по содержанию ясное и недвусмысленное. В нем виден весь Петр. Начинается оно зловещими словами: «Я не ведаю, жив ты или умер, или позабыл должность свою...» — и кончается типичным для царя оборотом: «Сам ведаешь, чему достоин, понеже указы довольно знаешь, и, ежели к десятому февраля сюды... из Москвы не будешь, то сам погибели своей виновен будешь». 10 февраля Чернышеву ничто не угрожало: железная хватка внезапно разжалась, и Петр из своего золотого гроба уже не мог достать провинившегося генерала.

Да и вообще жизнь стала поспокойнее, повольготнее — неутомимый, жестокий, властный и неугомонный царь никому не давал расслабиться, понаслаждаться жизнью. Теперь, после смерти Петра, как заметил Н.И. Павленко, изучавший «Повседневные записки» времяпровождения Меншикова за 1725–1727 годы, светлейший — не в пример прежним временам — стал отправляться спать на час пораньше, а вставать утром на час попозже. Он мог теперь позволить себе вместо традиционных и утомительных при Петре поездок на верфь или в Сенат вздремнуть часок-другой в опочивальне, чтобы затем подолгу забавляться шахматами и картишками с секретарями или гостями.

«Показуя свою милость», Екатерина продолжила амни-

стии, которые объявил в последние часы своей жизни Петр, повелевший освободить по христианскому обычаю арестантов — должников, жуликов и воров. Екатерина выпустила на волю многих политических заключенных и ссыльных — жертв самодержавного гнева Петра. На свободу была отпущена проходившая по делу Виллима Монса статс-дама Екатерины Матрена Балк, был возвращен из новгородской ссылки и тепло принят императрицей бывший вице-канцлер П.Шафиров, освобождены малороссийский старшина Д.Апостол, Лизогуб и другие, попавшие в Тайную канцелярию за осуждение политики Петра, создавшего на Украине Малороссийскую коллегия и тем окончательно подавившего казачью вольницу. Как сообщал Ф.В.Берхгольц, 17 марта из ссылки было возвращено разом двести человек, сосланных за отказ присягать на верность «Уставу о наследии престола» 1722 года. Многие должников и взяточников, по чьим шеям плакали топор с веревкой, также великодушно помиловали до следующего прегрешения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.